

«Евхаристия»

Протоиерей Валентин Асмус

В последние годы мы наблюдаем распространение нового учения о Евхаристии, согласно которому хлеб и вино в Таинстве, оставаясь хлебом и вином, ипостасно, «халкидонски» соединяются с Божественной Ипостасью Сына. Эта новой теории встретила справедливую критику — создателям новой теории указывают, что вместо Единого Христа в двух природах, что соответствует халкидонскому догмату, у тех получается Христос, единый в трех или четырех природах: Божества, человечества, а также евхаристических хлеба и вина.

В ответ на возражения защитники новой теории развили громоздкую и совершенно неубедительную теорию единосущия всего тварного, в силу которой хлеб и вино вместе со всем мирозданием якобы единосущны человеку. Только через это всеобщее единосущие перекидывается ими мост от евхаристических хлеба и вина к историческому телу Спасителя, родившемуся в Вифлееме, пострадавшему на Голгофе, воскресшему и вознесшемуся. Так что главным содержанием новой доктрины остается утверждение о принятии в Божественную Ипостась Слова хлеба и вина, которые при этом остаются сами собою, не претворяясь в Тело и Кровь Распятого за нас.

Чтобы лучше понять содержание этой новой доктрины, нужно обратиться к ее предыстории. С первого взгляда она напоминает лютеранское понимание Евхаристии. Лютер утверждал: «К таинству относится то же, что ко Христу. Действительно, для воплощения Божества нет необходимости в пресуществлении человеческой природы, так чтобы Божество содержалось под акциденциями человеческой природы. Но, напротив, и та и другая природа объявлены истинно совершенными: сей Человек есть Бог, сей Бог есть Человек» («О Вавилонском пленении Церкви» // *Luther. Oeuvres*, Geneve, 1962. T. 2. P. 181). Эта мысль реформатора взятая сама по себе могла бы рассматриваться как предвосхищение нового евхаристического богословия. Но она не характеризует учения Лютера в целом, так как он не только, с одной стороны, отрицал пресуществление, но и, с другой стороны, утверждал реальное присутствие в евхаристических видах не только Божественной Ипостаси Сына Божия, но и Тела и Крови Христовых. У Лютера отрижение пресуществления связано с решительным отрицанием жертвенного характера Евхаристии.

На самом деле корни новой теории не простираются дальше XIX века. Родоначальником ее является Хомяков, который в «Опыте катихического изложения учения о Церкви» писал, что Церковь «не отвергает и слова пресуществление, но не приписывает ему того вещественного смысла, который приписан ему учителями падших церквей». В сочинении «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» Хомяков говорит уже по-другому: «Тот, кто видит в Евхаристии одно лишь воспоминание, равно как и тот, кто настаивает на слове пресуществление или заменяет его словом сосуществование; другими словами, — и тот кто, так сказать, выпаривает таинство, и тот, кто обращает его в чудо чистовещественное, одинаково бесчестят святую вечерю, приступая к ней с вопросами атомистической химии». Хомяковские воззрения получили достойную оценку у профессора МДА священника Павла Флоренского, который пишет: «Итак, Церковь "не отвергает" слова "пресуществление", но "настаивать" на нем — это значит "безчестить тайную вечерю", "обращать ее в чудо чистовещественное", "приступать к ней с вопросами атомистической химии". Странная логика! Если настаивать на термине "пресуществление" есть не меньшее заблуждение, чем понимать Святую Евхаристию как сосуществование (то есть по формуле *сити ране*, *in pane*, *sub pane* или даже как простое воспоминание, то есть впадать в явное нечестие, то каким образом Церковь может "не отвергать" слова "пресуществление"? Вообще, как может Церковь "не отвергать" того, настаивать на чем предосудительно? Явное дело, Она или совсем отвергает обсуждаемый здесь термин, или, допустив его, тем самым позволяет держаться его, то есть настаивать на нем, коль скоро окажется нужда в нем и без него нельзя будет заградить уста еретику. Но Хомякову хочется избегнуть определенности и просто замолчать термин, который в

евхаристическом споре с протестантствующими столь же решителен и потому — неустраним, как термин "единосущный" — в тринитарном споре с арианствующими или термин "Богородица" — в споре с несторианствующими. "В литургии нет этого слова", — замечает, протестантствуя, Хомяков. Но Хомякову ли неизвестно, что такая уловка недостойна его, ибо подобное же говорили, "не отвергая" термина "единосущный", и полуарианствующие, ссылаясь на несуществование его в Священном Писании. И, в довершение аналогии терминами: "единосущный" и "Богородица", равно как и термином "пресуществление", действительно пользовались еретики в своих целях, употребляя их огрубленно, чувственно. Но тем не менее Церковь их не только "не отвергла", но и положительно утвердила, ибо без них нельзя было сопротивляться размывающему церковный догмат потоку еретического лжеучения» (Флоренский. Соч. Т. 2. М., 1996. С. 300-301). С о. Павлом Флоренским был вынужден согласиться даже Бердяев, который как раз после опубликования работы свящ. П. Флоренского «Около Хомякова» подверг о. Флоренского самым яростным нападкам именно за это сочинение. В начале XX в. пытался продолжать Хомякова в воззрениях на Евхаристию богослов-дилетант генерал Киреев, который носился с надеждами на присоединение к Церкви старокатоликов и предлагал для них пункты отречения от католицизма, и одним из этих пунктов было отречение от «пресуществления». В целом же дореволюционное богословие в вопросе о Евхаристии держалось тех самых традиционных воззрений, которые выразил и свящ. П. Флоренский.

Иное началось после революции. Подробно разработал новую концепцию Евхаристии прот. С. Булгаков. В первые годы после революции, совпавшие с первыми годами его священства, о. Булгаков пережил острейшее увлечение католицизмом. Поборов это увлечение, он принялся за систематическое опровержение католической догматики. В 1930 г. он добрался до «Евхаристического догмата», посвятив ему статью в «Пути». Там же и в том же году вышла его статья, посвященная той же теме, под названием «Святый Грааль». Концепция о. Булгакова подтверждает его репутацию «Оригена XX века». В Воскресении и Вознесении Христовом происходит почти что разволплощение (хотя самого этого слова о. Булгаков не приемлет). Тело Господа перестает быть вещественным, происходит «удаление, изчезновение из этого мира уже окончательное» Вознесшагося Христа. Происходит «в известном смысле дематериализация», и о. Булгаков не обинуясь называет новое состояние тела Спасителя «эфирным телом», хотя и делает оговорку, что теософы, употребляющие этот термин, «беззаботны относительно философской точности». Одна из причин, препятствующих о. Булгакову принять термин пресуществление, — это его «философская совесть», которой претил аристотелизм, что вполне естественно для мыслителя, шествовавшего от Канта к Платону. Для о. Булгакова немыслимо пребывание Тела и Крови Вознесшегося Господа под видом грубовещественных хлеба и вина. Посему доктрина о. Булгакова есть вариант теории импанации: хлеб и вино, оставаясь самими собою, соединяются с эфирным Телом Господним. По всей видимости, о. Булгаков уже в 1930 г. чувствовал недостаточность теории, развитой им в «Евхаристическом догмате». В «Святом Граале» он развивает романтико-фантастическую теорию присутствия на Земле реальных крови и воды, истекших из прободенного ребра Спасителя. Наконец, через 10 лет о. Булгаков вернулся к теме Евхаристии в большой статье «Евхаристическая жертва», которая до 2005 г. оставалась не напечатанной. Те, кто отказывался печатать эту статью знаменитейшего автора, знали, что делали: эта работа изобилует странностями. Так, в этой работе говорится, что если человек есть образ Божий — значит, Бог тоже троичастен: из духа, души и тела. «Евхаристическое причащение не становится оттого просто вкушением мяса и крови, ибо при всей подлинности Тела и Крови Христовых, в которые прелагаются святые дары, это человеческое, земное, тварное тело Христово соединено нераздельно и неслиянно с Его Божеством, точнее говоря, с духовным Телом и Кровию, то есть Божественной Софией, двуипостасным самооткровением Божественной жизни» (прот. С. Булгаков. Евхаристия. М.; Париж, 2005. С. 51-52).

Прот. С. Булгаков, конечно же, не мог не оказать влияния на эмигрантское богословие, переживающее кризис самоидентификации. Оно не хочет быть повторением ни русского богословия XIX в., ни святоотеческого и византийского богословия. Творческие устремления побуждают изрекать новое слово в диалоге с современностью. Главные черты этой современности — борьба с католицизмом, которая, однако, не хочет ограничиваться кругом тем и решений, предлагаемых византийским богословием, и постоянный экуменический диалог с протестантским миром. Несмотря на осуждение учения о. С. Булгакова Русской Церковью, оно продолжает оказывать свое влияние.

Митрополит Антоний (Блюм) называл о. Булгакова величайшим богословом XX в. Отдал дань авторитету прот. С. Булгакова и приснопамятный профессор Н. Д. Успенский. Оставляя свою стихию, литергику, он обратился к богословскому осмыслению Евхаристии и некритически воспринял учение о. Булгакова, на которого он прямо ссылается в своей «Анафоре», хотя, по понятным причинам, Успенский не мог развернуто демонстрировать свою зависимость от прот. С. Булгакова в публикации 1975 г.: ведь о. Булгаков был не только осужден как еретик, но и выслан из России как нежелательный антисоветский элемент. В богословской главе из «Анафоры», носящей название «Святоотеческое учение о Евхаристии и возникновение конфессиональных расхождений» (переиздана издательством «Сардоникс» в 2004), немало несообразного. Так, Успенский предполагает, что в Евхаристических контекстах слово тело появилось у синоптиков и у апостола Павла в результате «позднейшего, послеапостольского перевода их текста», тогда как и Павловы послания, и третье Евангелие суть несомненно подлинники, и Первое послание к Коринфянам, несомненно, принадлежит апостольскому времени. Успенский обильно цитирует Евхаристические пассажи Златоуста с их потрясающим реализмом, но он спокойно уничтожает этот реализм одной фразой, назвав их всего лишь «приемом ораторского красноречия». Единственным богословским выражением воззрений Златоуста на Евхаристию Успенский признает Послание Златоуста Кесарию. К сожалению, это Послание Златоусту не принадлежит. Оно напечатано и в Патрологии Миня, и в петербургском издании русского перевода Златоуста в разделе подложных (*spuria*) сочинений святителя. Самый авторитетный современный указатель святоотеческих творений *Clavis Patrum Graecorum* (Turnhout, 1974. Vol. 2) также относит послание Кесарию к числу подложных. В том же убеждает и непредвзятое чтение Послания, явно относящегося ко времени напряженных христологических споров. Послание сохранилось полностью лишь по латыни. Успенский, цитируя то место послания, где употреблено слово *natura*, подменяет его греческим *physis*, не оговаривая, что делает обратный перевод. Успенский, приписав Златоусту учение неведомого автора Послания к Кесарию и свое собственное воззрение, доказывает церковность этого учения тем, что его не осудил Собор под Дубом. Но этот Собор и не мог осудить учение Послания к Кесарию, во-первых, потому, что он судил Златоуста, которому не принадлежит Послание, написанное не один десяток лет спустя после его смерти, а во-вторых, потому, что Собор под Дубом вообще не выдвинул ни одного догматического обвинения. Изумляет фраза Успенского: «Если бы Церковь отрицала существование в освященных Дарах физической природы хлеба и вина, то это служило бы для монофизитов хорошим аргументом против дифизитов» (с. 20). На самом деле православные признавали в Евхаристии не двойство Евхаристических веществ и Божественной Ипостаси Слова, но двойство человечества и Божества Христова, явленное в тайне Евхаристии. Столь свободно обращаясь со святоотеческим учением, Успенский тем более свободен в обращении с католическими авторами. Так, Успенский приписывает Аквинату утверждение, что «Евхаристия представляет восстановление сущности Голгофской жертвы Христа и потому может быть названа закланием Христа». На самом же деле Фома утверждает, что совершение Евхаристии есть «некий образ, представляющий (*imago quaedam repraesentativa*) Страсть Христову, каковая есть истинное Его заклание (*immolatio*)» (part III, quaest. 83, art. 1).

Выступление Успенского не осталось безответным. Диакон Андрей Юрченко адресовал Священноначалию встревоженное послание. Святейший Патриарх Пимен поручил МДА высказаться по поднятыму вопросу, и Академия, в лице профессора В.Д. Сарычева, подтвердила Православие традиционного учения нашей Церкви о Евхаристии и неправославие понимания Евхаристии, предложенного ленинградским профессором. Идеи Николая Дмитриевича были официально опровергнуты, церковное учение осталось непоколебленным, хотя, по условиям времени, возникшая полемика не вылилась на страницы церковной печати. Как-никак, это была эра безгласия.

В последние годы полемика возобновилась. Этому есть свои причины. С одной стороны, есть настоятельная потребность в объяснении истин веры тем десяткам миллионов людей, которые впервые узнают о Христе после десятилетий безбожного пленения. Апологетика всегда, а здесь в особенности, связана с риском рационалистического упрощения и искажения. С другой стороны, и это, наверное, главный мотив новой евхаристической доктрины, актуальной остается задача антилатинской полемики, и наши новые полемисты, не довольствуясь святоотеческой полемикой против католицизма, а иногда и прямо ее отвергая, изобретают все новые и новые ее темы.

Избыточная напряженность этой полемики заставляет вспомнить слова свт. Филарета Московского: «Ты все ищешь такого себе оружия, которое бы защитило тебя погибелью других».

Чтобы прояснить себе церковное понимание Евхаристии, обратимся прежде всего к Св. Писанию.

Матф. 26, 26-28

...Иисус взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: приемите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нея все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов.

Мк. 14, 22-24

...Иисус, взял хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: приемите, ядите, сие есть Тело Мое. И взяв чашу, благодарив, подал им; и пили из нея все. И сказал им: сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая.

Лк. 22, 19-20

И взял хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается.

Тайная вечеря непосредственно предваряет Голгофские страдания Спасителя, и установительные слова прямо указывают на Крестную Жертву: Христос дает ученикам Тело Свое, Которое «за вас предается», и Кровь Свою, «за многих изливаемую во оставление грехов». Жертва Голгофская есть заключение «Нового Завета». И совершенно о том же говорит евхаристическое учение Евангелия от Иоанна (6, 32-58), также указующее на спасительную Голгофскую жертву: «Я — Хлеб живый, сшедший с небес: ядущий Хлеб сей будет жить вовек; Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдаю за жизнь мира. Тогда иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю Вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем... Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какия странныя слова! Кто может это слушать?... С этого времени многие из мучеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним» (Ин. 6, 51-66). Важное отличие Иоанна от синоптиков: у них говорится о Теле (*soma*), у Иоанна — о Плоти (*sark*). Последнее слово еще меньше допускает символически-условное толкование, чем первое.

Приведем и Павлово свидетельство (1 Кор. 11, 23-29): «...Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и возблагодарив преломил и сказал: "Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание". Также и чашу после вечери, и сказал: "Сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание". Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господнюю недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней... Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем».

Здесь акцент на коммеморативном аспекте Евхаристии, и совершенно определенно указывается, что мы в ней воспоминаем: не предвечное бытие Логоса, но ломление Тела Христова, пролитие Крови Его, смерть Его на Кресте. Причащающийся недостойно — виновен против Тела и Крови Голгофской Жертвы.

Указаниям Новозаветного Писания в точности следует чин обеих наших Литургий, где установительные слова говорят о Теле, за нас ломимом, и о Крови Нового Завета, за нас и за многих изливаемой во оставление грехов, то есть о Голгофской Жертве. О ней же священник говорит перед началом проскомидии: «Искупил ны еси от клятвы законная честною Твою Кровию: на Кресте пригвоздившися и копием прободся, бессмертие источил еси человеком: Спасе наш, слава Тебе». О том

же говорят и слова проскомидии при приготовлении Агнца: «Яко овча на заколение ведеся. И яко агнец непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст Своих. Во смирении Его суд Его взяется. Род же Его кто исповесть? Яко вземлется от земли живот Его». Затем «жрет крестовидно» со словами: «Жрется Агнец Божий, вземляй грех мира, за мирский живот и спасение». Затем, «прободая и [т.е. Агнец] в десную страну копием, глаголет»: «Един от воин копием ребра Его прободе, и аbie изыде Кровь и вода...» — и, благословив, «вливаает во Святый Потир от вина и воды». Эти слова — не образ и символ, но предуказание на имеющее совершившееся преложение, поскольку и после освящения Даров, непосредственно перед причащением, иерей глаголет: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но причащающийся освящаяй».

Богослужение многократно свидетельствует о тождестве «исторического» и евхаристического Тела Христова. Херувимская Великой Субботы воспеваєт: «...Царь бо царствующих и Господъ господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным...». Об этом говорит и служба Великого четвертка: «Великое таинство Твоего вочеловечения, на вечери совозлежащу Тебе учеником Твоим Человеколюбче, открыв рекл еси: ядите хлеб животный верою, пийте и кровь излиянную от богоребренного заколения». «Господъ сый всех... созданное безстрастный обнищав Себе соедини, и пасха за яже хотяше умрети Сам сый, Себе предпожре: ядите, вopia, Тело Мое, и верою утвердитесь». «Избавительною всего рода человеча, Твою Блаже Твоя ученики напоил еси веселия чашею, наполнив ю, Сам бо Себе священнодействуеши, пийте, вopia, Кровь Мою...». «Ядый Владыко со ученики Твоими, таинственно явил еси всесвятое Твое заколение, имже тли избавихомся, честная Твоя почитающе страдания». Об Иуде: «Приимаше решительное греха Тело бессовестный, и Кровь изливаемую за мир Божественную, но не стыдяшеся пия, юже продаяше на цене...» Этот тропарь особенно выразителен: Иуда на Вечери принимает то самое Тело, Которое вскоре было принесено в жертву на Голгофе, и ту самую Кровь, Которую он продал за сребренники.

Одно из обвинений, выдвигавшихся против христиан в период гонений, состояло в том, что христиане приносят человеческие жертвы, пьют кровь младенцев, и тому подобное. Разумеется, эти кривотолки превратно отражали веру христиан в реальное присутствие Тела и Крови Христовых в Евхаристии. Вот тут бы и следовало апологетам христианства разъяснить, что Евхаристия — это вовсе не реальная Тело и Кровь, а хлеб и вино, соединенные с Логосом Божиим. Но ничего подобного мы не встречаем в древнехристианской письменности. Святые отцы видят в Евхаристии Тело и Кровь родившегося в Вифлееме, пострадавшего на Голгофе, погребенного и воскресшего Спасителя.

Игнатий Богоносец: «Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия, родившегося в последнее время от семени Давида и Авраама» (Рим. 7, 3). «Они [докеты] удаляются от Евхаристии и молитвы по той причине, что не признают, что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по Своей благости...» (Смирн. 7, 1). Иустин Философ: «Как Христос, Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел плоть и кровь для спасения нашего, таким же образом пища эта, над которой совершено благодарение через молитву слова Его, и от которой через уподобление получает питание наша кровь и плоть, есть — как мы научены — плоть и кровь того воплотившегося Иисуса» (1 Апол. 66). Ириней Лионский, обличая еретиков, говорит: «Если не спасается плоть, то и Господь не искупил нас Свою Кровию, и чаша евхаристии не есть причастие Крови Его, и хлеб, который мы преломляем, не есть причастие Телу Его. Кровь не может быть кроме как из жил и плоти и прочего человеческого состава, и истинно ставший этим Логос Божий Кровию Свою искупил нас, как и апостол Его говорит: «в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов» (Кол. I, 14)» (Против ересей, 5, 2, 2). Киприан Карфагенский утверждает тождество евхаристических видов и человеческой плоти и крови Спасителя: «Кровь Христова есть не вода, а вино, и нельзя потому думать, что Кровь Господня, которую мы искуплены и оживотворены, находится в чаше Господней тогда, когда в ней недостает вина, потому что одно вино представляет Кровь Христову» (Письмо 64 // Творения. Киев, 1891. Т. 1. С. 389). О сокращении сроков покаяния: «Как мы научим и убедим кого-нибудь пролить кровь свою за исповедание Имени (Христова), если идущим на брань откажем в Крови Христовой?» (Письмо 49, там же, с. 284). Полемизируя с идропарастатами, совершившими

евхаристию на воде, он пишет: «Мы... прияли заповедь сохранять предание Господне в приношении чаши Господней, и не иное что совершать, как то, что ради нас совершено первоначально самим Господом, то есть чашу в Его воспоминание приносить не иначе, как растворяя вином... Кровь Христова есть не вода, а вино, и нельзя потому думать, что Кровь Господня, которою мы искуплены и оживотворены, находится в чаше Господней тогда, когда в ней недостает вина, потому что одно вино представляет Кровь Христову, как это можно видеть из прообразов и свидетельств всех писаний» (Письмо 63 [65], к Цецилию // Творения. Киев, 1891. Ч. 1. С. 389). Афанасий Великий: «То, что показуется и дается за спасение мира, есть плоть, которую ношу Я; но сия Плоть и Кровь Моя дана будет вам духовно в снедь» (Послание к Серапиону. IV, 19). Святитель Кирилл Иерусалимский достигает полной определенности аналогией между евхаристическим преложением и чудом в Кане Галилейской, где вода была превращена в вино. В Евхаристии остаются лишь физические признаки хлеба и вина: «Он в Кане Галилейской некогда воду претворил (*metabebleken*) в вино, сходное с кровию: и недостоин ли веры, когда вино в Кровь претворяет? ...Во образе хлеба дается тебе Тело, а во образе вина дается тебе Кровь... Не по вкусу разсуждай о вещи, но от веры будь известен без сомнения, что ты сподобился Тела и Крови Христовых... Видимый (*phainomenos*) хлеб не есть хлеб, хотя вкусом чувствуется, но Тело Христово, и видимое вино не есть вино, хотя по вкусу так представляется, но Кровь Христова... Не телесному вкусу давайте судить о сем, но вере несомненной. Ибо вкушающим не хлеб и вино вкушать повелевается, но противуобразное (*antitypon*), Тело и Кровь Христову...» (Творения. М., 1900. С. 329-339).

Необходимо сделать замечание относительно слова *antitypon*. Впоследствии этим словом называли только евхаристические виды до освящения, но этого сужения значения еще не было в IV в., напр. Григорий Богослов, Слово 8, 18 (PG 35. 809 С), или Макарий Великий, Беседа 27, 17: «В Церкви приносятся хлеб и вино вместообразные Его Плоти и Крови, и причащающиеся кажущагося (*phainomenou*) хлеба, духовно вкушают Плоть Господню» (Духовные беседы. СТСЛ, 1904. С. 216 (PG 34. 705 В)).

Святитель Иоанн Златоуст говорит о Святых Тайнах с потрясающим, для кого-то даже шокирующим реализмом. Недаром католические авторы называют его «доктором Евхаристии». «...Вкушаем не манну, а принимаем Тело Господне, пием не воду от камня, а Кровь от ребра Христова» (5, 216). «Находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра Господа; того мы и приобщаемся... Он пролил ее для избавления нас от заблуждения, и не только пролил, но и преподал ее всем нам. Итак, говорит, если ты желаешь крови, то обаграй не жертвенник идолов пролитием крови бессловесных, но Мой жертвенник Моею кровию. Что, скажи мне, страшнее этого? Что любвеобильнее?» «...Почему прибавил: его же ломим? (1 Кор. 10, 16). Потому что это делается в Евхаристии; а на Кресте этого не было, но было даже противное: кость, говорит Писание, не сокрушится от Него. Чего Он не претерпел на Кресте, то претерпевает в приношении для тебя, и дает преломлять Себя, чтобы исполнить всех» (10, 236-237). «...Тело всех Бога, Тело непорочное, чистое, соединенное с Божественным Естеством... Когда ты увидишь Его предложенным, то скажи самому себе: через это Тело я уже не земля и пепел... Оно – то самое Тело, которое было окровавлено, прободено копием и источило всей вселенной спасительные источники — Кровь и вода... Это Тело Он дал нам для обладания и ядения, чем и показал сильную любовь; ведь кого мы сильно любим, того часто и угрываем. Так Иов, выражая любовь к нему рабов его, сказал, что они от сильной любви к нему часто говорили: кто убо дал бы нам от плоти его насытиться (Иов. 31, 31)? Так и Христос дал нам насытиться от Плоти Его, чтобы возбудить в нас сильнейшую любовь... Это тело почтили волхвы, когда оно лежало в яслях... а ты видишь его не в яслях, а на жертвеннике, видишь не жену держащую, а священника предстоящего и Духа, осеняющего предложенное с великою щедростью; и не просто только видишь это Тело, как они, но знаешь и силу его и все домостроительство, знаешь все, что совершилось через него...» (10, 240-242). «...Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за многия ломимое (1 Кор. 11, 24). Каким образом ученики, услышав это, не смущились? Оттого, что Христос и прежде много важного говорил им об этом Таинстве... И как Ветхий Завет имел овнов и тельцов, так и Новый имеет Кровь Господнюю. Этим самым Христос показывает и то, что Он претерпит смерть; потому упоминает и о завете, и вспоминает вместе о первом, так как и этот Завет обновлен был Кровию... И сам пил из чаши, для того чтобы ученики, услыша это, не сказали: что такое, мы пием Кровь и едим Плоть? – и от того не смущились. Ведь когда Христос говорил об этом,

то и самыми словами многие соблазнялись. Итак, чтобы ученики и тогда не смутились, Он сам первый совершил это, побуждая их приступить к приобщению Таин без смущения. С этой-то целью Он и пил сам собственную Кровь» (7, 820-821). «Когда уготована таинственная трапеза, когда закалается за тебя Агнец Божий, когда за тебя подвизается священник... духовный огонь снисходит с неба, от Пречистого ребра изливается в чашу Кровь в твое очищение... Не полагай, что это хлеб, и не думай, что вино... не думайте, будто вы принимаете Божественное Тело от человека, а представляйте, что вы принимаете Божественное Тело как бы огонь из клещей самих серафимов... спасительную же Кровь станем принимать как бы касаясь устами Божественного и Пречистого ребра» (2, 388-389). «Сие есть Тело (Мф. 26, 26), которое ты, Иуда, продал за тридцать сребренников; сия есть Кровь, о которой ты недавно заключил безстыдные условия с неблагодарными фарисеями. О, человеколюбие Христово! О, безумие, о, неистовство Иуды! Этот продал Его за тридцать динариев, а Христос и после того не отказался бы самую проданную кровь Свою отдать продавшему во оставление грехов, если бы этот захотел... Предстоит Христос и теперь; Кто учредил ту трапезу, Тот же теперь устроит и эту. Не человек претворяет предложенное в тело и кровь Христову, но Сам распятый за нас Христос. Представляя Его образ, стоит священник, произносящий те слова; а действует сила и благодать Божия. Сие есть тело Мое, сказал Он. Эти слова претворяют предложенное, и как то изречение: Растиесь и множитесь и наполните землю, хотя произнесено однажды, но в действительности во все время дает нашей природе силу к деторождению; так и это изречение, произнесенное однажды, с того времени доныне и до Его пришествия делает Жертву совершенной на каждой трапезе в церквях... предлежит закланенный Христос...» (2, 422-423).

«Приобщающиеся Тела и пьющие Кровь Его — помните, что мы приобщаемся Тела нисколько не различного от того Тела, которое возседит горе, которому покланяются ангелы, которое находится близ нетленной Силы, — это именно (Тело) мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим Телом, дал нам Свое Тело...» (11, 28). «Он смешал самого Себя с нами и растворил Тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали сростись с его плотию: Кто убо дал бы нам от плотей его насытиться (Иов. XXXI, 31)? Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этой же целью так поступил и Христос: чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание. Будем же отходить от этой трапезы, как львы, дышащие огнем, страшные для диавола, помышляя о нашей Главе и о той любви, какую Он показал к нам. Часто родители отдают детей своих на вскормление другим; а Я, говорит (Спаситель), не так, но питаю вас Свою плотию, самого Себя предлагаю вам, желая, чтобы все вы были благородны, и подавая вам благие надежды на будущее. Кто отдал вам самого себя здесь, то тем более (сделает для вас) там. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, чрез которая Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам» (8, 304-305). «...Прикоснемся и мы к краю одежды Христовой, вернее же сказать, — если хотим, мы можем иметь всего Христа. Нам предложено ныне и тело Его, — не только одежда, но самое тело, чтобы мы не только прикасались, но и ели и насытились... Если прикасающиеся к краю одежды Его привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа... Итак, веруйте, что и ныне совершается та же вечеря, на которой сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершил Христос; напротив, ту и другую совершил и совершает сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе Дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку. ...Кто дал тебе большее, то есть предложил Самого Себя, тот тем более не почет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое Тело. Итак послушаем, иереи и миряне, чего мы удостоились, послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу Святую Плоть Свою, Самого Себя предложил в Жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую Пищу, так грешим?» (7, 520-521). «Мы постоянноносим одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Таким образом, эта жертва одна. Хотя она приносится во многих местах, но разве много Христов? Нет, один Христос везде, и здесь полный, и там полный, одно Тело Его. И как приносимый во многих местах Он — одно Тело, а не много тел, так и Жертва одна. Он наш Первосвященник, принесший жертву, очищающую нас; ее приносим и мы теперь, тогда

принесенную, но не оскудевающую» (12, 153). «...Устыдитесь этой трапезы, которой все мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за нас закланного, и жертвы, здесь предложенной» (9, 581).

Святитель Кирилл Александрийский понимал само по себе преложение так же, как и его оппонент Несторий — как претворение хлеба и вина с водою в истинные Плоть и Кровь Спасителя. Но он показывал, что несторианское разделение единого Христа надвое лишает возможности думать о животворящей, спасительной силе причащения, превращает его в «антропофагию»: «Кем же был Тот, Кто сказал: "Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем"? Если это некий человек в отдельности, а вовсе не Слово Божие, ставшее как мы, то делаемое — человекоядение, и всеконечно бесполезно приобщение. Я слышу, как Сам Христос говорит: "Плоть не пользует нимало, дух животворит". Что касается ее собственной природы, плоть тленна. Она никоим образом не оживотворит других, искони болея тлением. Но если ты говоришь, что Тело есть собственное Самого Слова [...] Кого мы ядим, Божество или плоть? [...] Мы ядим, не Божество иждивая, прочь неразумие, но собственную Плоть Слова, ставшую животворящей. [...] Поскольку же Тело Самого Слова — животворящее, которое Оно сделало собственным чрез соединение истинное и превышающее ум и слово, так и мы, приобщаясь Его Святой Плоти и Крови, во всем и всячески оживотворяемся: в нас пребывает Слово — и Божественно, чрез Духа Святого, но и человечески, чрез Святую Плоть и Честную Кровь» (Adv. Nest. // PG 76. 192-193). Тот же святой отец: «Он сказал с прямым указанием: «Сие есть Тело Мое» и «сия есть Кровь Моя», чтобы ты не счел, что являемое есть образ, но неким неизреченным (действием) всемогущего Бога принесенное воистину претворяется в Тело и Кровь Христовы, и причастившись их мы принимаем животворящую и освящающую силу Христову. Ибо нужно было Ему чрез Святого Духа в нас боголепно сраствориться некоторым образом с нашими телами Святою Плотию Свою и Честною Кровию, которые мы и получили в животворящее благословение словно [*hos*] в хлебе и вине, чтобы мы не оцепенели, видя Плоть и Кровь предлежащими на святых престолах в церквях. Ибо Бог, соразмеряясь с нашими немощами, посыпает в предлежащие силу жизни и изменяет их к действию Своей жизни» (In Matth. // PG 72. 452; почти теми же самыми словами святитель говорит в In Luc. // Ibid. 912).

Преподобный Иоанн Дамаскин: «Если Сам Бог Слово, восхотев, стал человеком и из чистых и безпорочных кровей святой Приснодевы безсемено осуществил для Себя плоть, то разве Он не может сделать хлеб Своим Телом и вино и воду — Свою Кровью? ...И теперь ты спрашиваешь, каким образом хлеб делается Телом Христовым, а вино и вода — Кровью Христовою! Говорю тебе и я: Дух Святой приходит и делает это, что превосходит слово и мысль. А хлеб и вино берутся потому, что Бог знает человеческую немощь, ибо в большинстве случаев она с негодованием отвращается от того, что не вошло в привычку. ...Тело поистине соединилось с божеством, Тело от святой Девы, не потому, что вознесшееся Тело нисходит с неба, но потому, что сами хлеб и вино изменяются в Тело и Кровь Бога. ...Как хлеб через съедение и вино и вода через выпивание естественным образом изменяются в тело и кровь того, кто ест и пьет, и не делаются другим телом по сравнению с прежним его телом; так и хлеб предложения и вино и вода через призывание и пришествие Святого Духа сверхъестественно претворяются в Тело Христово и Кровь, не суть два, но одно и то же. Хлеб и вино не есть образ тела и крови Христа (да не будет!), но само обоженное Тело Господа... ...Примем в себя Тело Распятого! ...Мы вступаем в общение со Христом и делаемся причастны и Плоти Его, и Божеству; а также через него общаемся и соединяемся друг с другом» (Творения. Источник знания. М., 2002. С. 301-305).

Иконоборчество возбудило спор о Евхаристии, который Мейендорф считал единственным внутривизантийским спором об этом предмете. Не отрицая евхаристического преложения, иконоборцы объявили евхаристические Тело и Кровь единственным истинным и богоустановленным образом Христовым, чем проводили границу, устанавливали какое-то различие между изобразуемым и изображением, историческим и евхаристическим Телом Христовым. VII Вселенский Собор осудил эту евхаристическую доктрину иконоборцев в зачитанном на Соборе анонимном трактате, который исследователи приписывают святителю Тарасию Константинопольскому: «Ни Господь, ни апостолы, ни отцы никогда не называли бескровной Жертвы, приносимой иереем, "образом", но называли ее самим Телом и самою Кровию...» (Mansi. XIII. 265 B; то же: ДВС IV. 539). Останавливается на теме

Евхаристии и святитель Никифор Исповедник, который признает евхаристические хлеб и вино образом Тела и Крови Христовых лишь до преложения, в котором они отождествляются, становятся истинными Телом и Кровью Господними: «Мы же называем это не образом и не отражением тела Христа, хотя таинство и совершается при помощи символов, а самим телом Христовым обожествленным. Ибо так Он сам говорит: "Аще не снесете плоти Сына человеческого, ни пьете крови Его, живота не имате в себе" (Ин. 6, 53). То же Он передал ученикам Своим, говоря: "Приимите, ядите тело Мое", а не "образ тела Моего", ибо Он воспринял плоть действием Святаго Духа от Пресвятой Девы. Если нужно доказывать это на случае из нашей жизни, то как например, хлеб, вино и вода превращаются в плоть и кровь ядящего и пьющего, причем мы не говорим, что наше тело становится иным по сравнению с прежним, так хлеб и вино в Евхаристии преестественно призыванием священодействующего и наитием Святого Духа претворяются в Тело и Кровь Христову. Так именно и гласит молитва священническая. И мы уже не считаем их двумя, но веруем, что они становятся одним и тем же. Если же они и могут быть названы противообразами (*antitypa*), то такое название приложимо к ним не после, а прежде освящения» (Свт. Никифор. Творения, Минск, 2001. С. 438-439).

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит о Евхаристии: «Поелику Слово Божие воплотилось уже однажды от Девы и родилось от Нее телесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться или телесно рождаться от каждого из нас; то что Оно творит? Ту самую пренепорочную Плоть, которую приняло Оно от чистой утробы пречистой Богородицы Марии, с которой и родилось телесно, от нее преподает нам в снедь, и вкушая ее мы имеем в себе, каждый из нас верных, достойно ядущих сию Плоть Его, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы и Пренепорочной Марии, седящего одесную Бога и Отца, по сказанному им слову Его же Самого: "Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем" (Иоан. 6, 56). Он никогда не происходит из нас, не рождается телесно и не отделяется от нас. Он уже не познается сущим в нас телесно, как плод чрева, но есть бестелесно в теле, срастворяемый нашим сущностям и естествам неизреченно и обоготворяя нас как сотелесников Его, сущих плоть от плоти Его и кость от костей Его» (Eth. I, 10, 51-72 // SC 122. P., 1966. P. 256).

Блж. Феофилакт, архиеп. Болгарский: «Намереваясь преломить хлеб, Господь благодарит как для того, чтоб и нас научить приносить хлеб с благодарением, так и для того, чтобы показать, что Он с благодарностию принимает преломление, то есть умерщвление Своего Тела и не негодует на это, как на нечто невольное... Хлеб, освящаемый на жертвеннике, есть самое Тело Христово, а не образ Его; ибо Он не сказал: сие есть образ Моего Тела, но — сие есть Тело Мое. Хлеб неизъяснимым действием прелагается, хотя нам и кажется хлебом. Поелику мы слабы и не решились бы есть сырое мясо, особенно человеческую плоть, то нам преподается хлеб, а на самом деле это есть Плоть» (Толкование на Святое Евангелие. Ч. I. М., 1993. С. 236-237).

Фундаментальный Евхаристический реализм дался греческому богословию не совсем просто и безболезненно. Реализм никак не вмещался в спиритуализм и символизм Оригена и анафематствованного заодно с ним Евагрия. Этот спиритуализм остался в большой мере непреодоленным и в Ареопагитиках. О влиянии трех названных авторов не приходится распространяться. Впрочем, и спиритуалисты не отрицали преложения, но для них причащение Тела и Крови Христовых было скорее второпреставленным, внешним выражением соединения души с Богом. Реализм успешно противостоял их крайностям в учении о Евхаристии, и в Византии даже родилась противоположная, «гиперреалистическая» крайность. В XII в. Михаил Глика (он же Сикидит) в своих «Богословских главах к неудобопонятным местам Св. Писания» выразил убеждение, что Св. Причастие одновременно тленно и нетленно: тленно после освящения Даров до причащения, нетленно сразу после принятия Причастия. Прежде чем священник или мирянин вкусила Тело Христово, оно таким же образом страдательно и смертно, как было оно подвержено страданию и смерти, когда Евхаристия была установлена на Тайной Вечери. Оно истинно разделяется, неизреченно претерпевает смерть, оно раздробляется и погибает зубами причастников. Но как оно после смерти на Кресте и погребения возстало в нетлении, безстрастии и славе, так происходит и в Божественной Литургии, когда оно, как во гробе погребенное в причастнике, тотчас возрастает во славе, неизреченно соединяясь с сущностью души причастника, даря ему свое нетление и

возставляя его к вечной жизни. Многие богословы не приняли эту теорию, но ее поддержали Патриархи Георгий Ксифилин (1191-1198) и Иоанн Каматир (1198-1206). Спор не получил официального завершения. Прерванный латинским пленением Византии, он возобновился было в Никее, но заглох, будучи вытеснен актуальными темами антилатинской полемики.

Богослов-исихаст Николай Кавасила в «Изъяснении Божественной Литургии» высказывает с полной определенностью. В подробном описании Проскомидии он показывает, что агнец уготовляется во образ Тела Христова. Но в момент эпиклезы образ становится реальностью: «Дары освятились, и Жертва совершилась и великое Пожертвование и Священножертвенное, закланное за мир, видимо возлежит на священном престоле. Хлеб Господня Тела уже более не образ [*typos*], не дар, несущий изображение истинного дара или имеющий в себе некое начертание, словно на доске, спасительных страданий, но сам истинный Дар, само всесвятое Тело Владыки, воистину приявшее все те поругания, оскорблении, раны, распятое, закланное, мученически «засвидетельствовавшее пред Понтием Пилатом добре исповедание» (1 Тим. 6. 13), зауженное, бичеванное, претерпевшее оплевания, желчи вкусившее. Подобно и вино — сама Кровь, истекшая при заклании Тела. Сие Тело, сия Кровь, образованное Духом Святым, рожденное от Марии Девы, погребенное, воскресшее в третий день, возшедшее на небеса и сидящее одесную Отца» (PG 150. 425).

В наше время приходится слышать мнение, что византийские отцы воспринимали латинство поверхностно, и только в XIX-XX вв. православные критики усмотрели все небожественные глубины католичества. На наш взгляд, такая оценка несправедлива. Несмотря на имевшие место, вследствие отчужденности, недопонимание и предвзятость, полемика IX-XV вв. составила тот самый реестр «отступлений» и расхождений, который доселе православие вменяет католичеству. И на первом плане полемики — тема Евхаристии: если *Filioque* было темой для богословов, Литургия имела отношение ко всякому священнику, монаху и мирянину. Важная тема эпиклезы заняла видное место к концу византийской истории. Но уже в IX в. была поднята и до Флорентийского собора включительно оставалась в центре византийской антилатинской полемики тема опресноков. Тема транссубстанции не могла не быть известной (уже в XIV в. весь корпус Фомы Аквината был переведен на греческий), но она византийских полемистов не могла интересовать по той же причине, по какой их не интересовало раскрытие в западной теологии консубстанциальности Сына Отцу. И то, что православные полемисты не считали «пресуществление» неправославным, доказывается как раз тем, как они обосновывали необходимость совершения Литургии на квасном хлебе. Многочисленные сочинения о «латинских опресноках» говорят на все лады о преимуществах «живого, одушевленного» квасного хлеба как более соответственного образа тела человеческого, Тела Христова, который из «вместообразного» становится в евхаристическом преложении Самим Телом Христовым. Классическое выражение этого учения дает фрагмент, приписанный свт. Афанасию Великому: «Евангелисты говорят, что хлеб совершенный предал Господь в Святых Тайнах, а не опреснок, дабы уверить, что совершенное тело от Святой Девы, то есть одушевленное и умное, а не как еретик Аполлинарий говорил, что Он воспринял одно тело. Но мы совершенным хлебом называем состоящий из муки, закваски и соли, как и духовный — (из) тела и ума. Ибо тело без духа мертвое, и опреснок, не имеющий закваски — мертвый, а не живой хлеб. Поскольку закваска дает жизнь и соединение тесту, словно дух телу и соль уму. И посему мы совершаем таинство на хлебе совершенном, чтобы не впасть в хулу нечестивого Аполлинария» (PG 26. 1328; см.: ВЕП 33. 217. К слову, ни то, ни другое издания не отделяют фрагмент от подлинных творений Афанасия Великого).

Можно было бы привести великое множество поствизантийских и русских свидетельств традиционного учения о таинстве Евхаристии. Мы не будем этого делать не потому, что мы сами не придаем значения этим свидетельствам, а лишь потому, что все они объясняются некоторыми богословами как следствие пресловутого «латинского пленения». Приведем лишь одну цитату — из Отечника свт. Игнатия Брянчанинова. Святитель цитирует один из древних Патериков: некий «Скитянин говорил, что в Святом Причащении мы приемлем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба. Об этом услышали два старца. Зная, что говоривший велик по жительству, они поняли, что он говорит это не по злонамеренности, а по неведению и простоте. Они пришли к нему и сказали: отец! Мы слышали о некотором брате, что он произнес мнение, несогласное с

учением правой веры, именно, что в Святом Причащении мы принимаем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба. Старец отвечал: говорил это я. Они начали его убеждать: не думай так, отец, но исповедуй по преданию Святой, Соборной, Апостольской Церкви. Мы веруем, что Хлеб есть самое Тело Христово, а в Чаще — самая Кровь Христова, — отнюдь не образы. Хотя непостижимо, каким образом хлеб может быть Телом, но так как Господь сказал о Хлебе: сие есть Тело Мое, то мы веруем, что Хлеб есть истинное Тело Христово. Старец на это сказал: если я не буду удостоверен самым опытом, то пребуду в сомнении. Они предложили ему: будем молиться Богу в течение всей следующей недели, чтоб Он объяснил нам Таинство, и веруем, что Бог откроет. Старец с радостью принял предложение; он молил Бога так: Господи! Ты знаешь, что я не верю не по злонамеренному упорству. Господи Иисусе Христе! открой мне об этой тайне, чтоб я не пребывал в заблуждении по причине неверия... По прошествии недели они пришли в церковь... и отверзлись им очи. Когда был предложен хлеб на святой трапезе, тогда увидели они, одни эти три старца, Младенца вместо хлеба. Когда же иеромонах простер руку, чтоб преломить Хлеб на святой трапезе, то сошел с неба Ангел Господень с ножем в руке, заклал Младенца; кровь из него излил в Чащу. Когда иеромонах преломлял Хлеб, — Ангел резал Младенца на малые части. Когда приступили к принятию Святых Таин, неверовавшему старцу подано было кровавое мясо. Увидев это, старец испугался и возопил: Господи! верую, что Хлеб есть Тело Твое! и немедленно мясо на руке его оказалось Хлебом по обычью Таинства. Он причастился, славословия Бога. Старцы сказали ему: Бог ведает, что люди не могут употреблять сырого мяса, а потому Он прикрыл Тело Свое видом хлеба, а Кровь видом вина». Эта цитата приобретает особую значимость, если мы вспомним, с какой осторожностью святитель Игнатий относился к всевозможным видениям. Если здесь он отказался от своей обычной недоверчивости к тому, что можно было бы счесть «прелестью», то он имел очень важные к тому побуждения. И он даже не удовольствовался тем, что включил в составленный им Отечник то, что при нежелании он мог бы и не включать, но еще и добавил аналогичное свидетельство из современной ему церковной жизни: «Дмитрий Александрович Шепелев... воспитывался в Пажеском корпусе. Однажды в Великий пост, когда пажи говели и уже приступали к святым тайнам, юноша Шепелев выразил шедшему возле него товарищу свое решительное неверие, чтоб в Чаще были Тело и Кровь Христовы. Когда ему преподаны были Тайны, — он ощущил, что во рту у него мясо. Ужас объял молодого человека: он стоял вне себя, не чувствуя сил проглотить частицу. Священник заметил происшедшее в нем изменение и приказал ему войти в алтарь. Там, держа во рту частицу и исповедуя свое согрешение, Шепелев пришел в себя и употребил преподанные ему Святые Тайны» (Отечник. Брюссель, 1963. С. 52-53 [репринт 4-го изд.]).

Обратим внимание и на само словоупотребление. Святые отцы, говоря о Евхаристии, охотно употребляют не только слово *soma*, но и слово *sark*, которое в этом контексте дает уже Священное Писание. Если *soma* еще можно понимать иносказательно, *sark* — это плоть и даже, по словарному значению, мясо. Так что остроумно-кощунственная фраза, которую с удовольствием цитирует Хомяков (“они принимают тело Христово за мясо Христово”), оказывается неграмотной, не принимающей во внимание буквального значения *sark* (впрочем, Хомяков приписывает фразу “неученому” человеку). Как бы мы ни толковали все слова, обозначающие преложение, они обозначают изменение, так что здесь уже не приходится говорить о «халкидонском соединении хлеба с Божественной Ипостасью», потому что халкидонский догмат говорит о неизменности соединяющихся в Боговоплощении природ.

Посмотрим теперь значения отдельных слов. *Metaballo*: Исх. 7, 17 и 20 говорит о преложении воды в кровь. Иудифь (10, 7) изменила лицо и переменила (*metabeblekuian*) одежду, т.е. «сняла вретище и одежду вдовства, надела на голову повязку, оделась в одежду веселия своего», и т.д. (Иудиф. 10, 3-4). В Новом Завете слово употреблено лишь один раз с весьма ярким значением полного субъективного изменения: «Они ожидали что он упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли (*metaballomenoi*) и говорили, что он Бог» (Деян. 28, 6). Платон говорит о преложении (*metabaloit*) в женскую природу (*physin*) во втором рождении (Tim. 42 b) и о посмертном превращении (*metaballonta*) лебедя в человека. В целом же слово имело в языческом употреблении значение изменения с различными коннотациями.

В словоупотреблении христианских авторов оно приобретает доминирующее значение превращения. «Они поклоняются Ираклу как преложившемуся (*metablethenta*) из человека в бога» (Ориген // PG 14. 468 A); «человек никогда не преложится ни в ангельский, ни в иной образ» (сщмч. Мефодий // PG 18. 277 C); «сущность (*ousian*) вод преложилась (*metabalousan*) в вино» (свт. Афанасий. О воплощении // PG 25. 128 D: здесь дан двумя указанными греческими словами точнейший эквивалент позднейшего *metousiosis*); «прелагая медь в золото» (Эней Газск. // PG 85. 984).

Параллельно употребляемые термины эквивалентны *metabole* и *metaballo*. *Poieo* выражает в первую очередь христианское понятие творения, вплоть до творения «из не сущих» (2 Мак. 7, 28). К этому слову примыкает *metapoieo* — претворять. Иисус претворил (*metepoiesen*) воду в вино (Ориген // PG 14. 517 D). «Причастимся тельца упитанного, приобщимся Агнца пасхального, наполнимся нового винограда рождения, вкушая Плоть Божию из хлеба и Кровь Божию из вина истинно призыванием и неизреченно претворяемую (*metapoioiteton*)» (преп. Иоанн Дамаскин. Слово на Великую Субботу // PG 96. 637 C). В этом фрагменте ясно сказано, что Тело и Кровь претворяются из хлеба и вина, которые таким образом перестают быть хлебом и вином. *Metastoicheiosos* — изменение стихий, т.е. элементов: превращение земли в воду, змеи в посох и т.п. Буквальное значение этого слова — та самая «атомистическая химия», которая вызывала благородное негодование Хомякова.

Перейдем к пререкаемому термину *metousiosis*. Мы готовы признать его аристотелианское происхождение. Но это не имеет никакого отношения к пресловутому «западному пленению», не имеет отношения к западной схоластике, которой и в помине не было, когда появился греческий термин. Вообще говоря, если Свв. Отцы и признавали какую философию, то именно философию Аристотеля, в то время как с Платоном шла постоянная борьба, как и с христианским платонизмом. Что же касается популярного неоплатонизма, то даже платонический его интерпретатор Лосев охотно признает его синтезом платонизма и аристотелизма. Чтобы быть аристотеликом, не обязательно читать Аристотеля и ссылаться на него. Важнейшим источником средневекового аристотелизма не только у греков, но и у сирийцев, арабов и латинян была "Краткая Исагога к Категориям Аристотеля" неоплатоника Порфирия. Настоящим расцветом святоотеческого аристотелизма ознаменован VI в., когда продолжавшиеся более века христологические споры потребовали терминологических уточнений и философского обоснования. В этом веке были составлены христианскими авторами большие комментарии к Аристотелю. Богословие этого века — настоящая «первая схоластика». Именно в это время рождается интересующий нас термин *metousiosis*. Леонтий Иерусалимский в трактате «Против монофизитов» отвергает приписываемое Евтихию представление, что «Само Слово пресуществилось (*metousiothentos*) в плоть» (PG 86. 1809 C). Вочеловечение, утверждает Леонтий, произошло «не по пресуществлению (*metousiosin*), как вода у Египтян, ставшая кровью» (ibid. 1772 D). Это место для нас имеет сейчас особенное значение, так как аристотелианское «пресуществление» здесь употреблено вместо и в значении именно библейского «преложения» (*metabalei* — Исх. 7, 17).

Гипертрофированная, раздутая концепция «западного пленения» православного богословия не подтверждается историческими фактами. Скажите на милость, какому Западу, католическому или протестантскому, следовали Адам Зерников или Феофан Прокопович, когда они составляли свои, самые пространные и самые содержательные в нашей литературе, трактаты о *Filioque*? Ведь они опровергали догмат, одинаково принятый и Римом, и Реформой. Неправильная исторически, концепция «пленения» жестоко бьет по вероучительному авторитету Самой Церкви. Как может претендовать на обладание полнотой истины Церковь, которая могла долгие века якобы заблуждаться, идти на поводу у инославия в таких важнейших истинах веры, как Бого воплощение, Искупление или Евхаристия? Мы позволяем себе высокомерно судить наших богословов XIX века, не взяв на себя даже труда изучить их творения. Если бы мы рассмотрели вкупе и фундаментальные доктрины, и журнальные статьи позапрошлого (XIX) века, мы увидели бы, что стоящий ныне перед нами вопрос рассмотрен там с гораздо большей основательностью, нежели в сегодняшней скороспелой полемике.

Протоиерей Валентин Асмус